

CLASSICAL VOICE

Ardor of the Russian Soul

[Stephanie Friedman](#) on November 6, 2007

My Russian grandmother and the daughter she taught the songs she knew (my mother), both long since gone, would have been unable to keep from dancing in the aisles and cheering at Dmitri Hvorostovsky's Cal Performances concert at Zellerbach Hall Sunday afternoon. Joined by the renowned Moscow Chamber Orchestra and the Academy of Choral Art Choir of Moscow, under the direction of the American conductor Constantine Orbelian, the combined forces put on a show of vocal, choral, and orchestral music that ranged from the liturgical to folk, cabaret, and even rock. But it was Hvorostovsky, with his compact, lithe body swathed in smooth black and his perfect control of a beautiful, expressive baritone voice, who was the brilliant star of the show. By his own admission, Hvorostovsky is not a believer. Yet in a selection of religious offerings, accompanied by only the youthful choir, his voice took on a fervency and warmth that surely belied his unbelief. But of course, he has that Russian soul: ardor and devotion suffused his unfaltering, perfectly supported legato. *Come to Me*, *All You Who Labor*, gospel verses from Matthew and John, were powerful and touching in their turn. The choir, in the opening *Cherubim Song*, was beautifully controlled in its softer singing, and somewhat Slavically strident in the louder. They were an attractive group, the women in wine-dark velvet gowns, ranged in a single arc across the stage, the men in black behind them. Accompanied by the orchestra, Hvorostovsky produced a keener, more incisive tone, as he extended his compass beyond the deeply felt warmth and sincerity of the liturgical songs and presented a group of dramatic arias from Rimsky-Korsakov's *The Tsar's Bride* and Tchaikovsky's *Eugene Onegin* and *The Queen of Spades*.

Man of Many Moods

In these, the singer displayed, for example, the character of Gryaznoy, once used to taking a girl by force if he wanted her, but now tortured by a vision he is unable to get out of his head of a beautiful young girl to whom he has offered marriage but who has rejected him. "I am not the same man," he sings, and Hvorostovsky limns both the virile, brutal, cold-hearted man he used to be and the wretched soul who now mourns the loss of his former wild, strong-willed self. His singing of Onegin's aria, "You wrote me a letter," rejecting Tatiana's offer of love, was self-righteously tender, while Prince Yeletsky's passionate love aria from *The Queen of Spades* brought cries of approbation from the audience, a good third of whom must have been Russian. The second half of the concert was devoted to folk songs and what must be, to my untutored ears, the Russian equivalent of soft rock. Suffice it to say that the Russian cabaret or rock pieces, whose subject matter was invariably the passionate, suffering, longing Russian lover, came complete with a floor mike for the singer and a rhythm section: the sole double bass player of the orchestra plucking away and, somewhere in the depths of the stage, a snare drum

and high-hat cymbals. Among the folk songs, which were all in minor keys, *Only Once* stood out for me, with the singer's strenuously opened vowels fired by energy and passion. The pop-style *How Young We Were* and *Tenderness* were beautiful songs, and the closing song, *I'm Grateful to You*, pierced the soul almost unbearably. Gracing both the folk and cabaret songs were four additional instruments — two mandolins, balalaika, and accordion — taking center stage in front of the orchestra. Increasingly younger girls, starting with full-grown and ending with a mere slip of a girl, brought bouquets of flowers at intervals from the audience to the singer — a charming touch. For the last presentation, Hvorostovsky bent down and took the child's fingers in his, flashing his brilliant smile. The audience cooed with delight. Encores were the well-known and beloved *Moscow Nights* and *Dark Eyes*. Somewhere my Russian forbears must have been dancing in almost painfully ecstatic gestures of pure pleasure.

Stephanie Friedman, mezzo-soprano, is retired from more than three decades of singing in opera and concerts in the U.S. and abroad.

Пламя русской души

Стефани Фридман

6 ноября 2007

Моя русская бабушка и дочь (моя мама), которую она учила песням, которые знала, которых уже давно нет в живых, не смогли бы удержаться от танцев в проходах и аплодисментов на концерте Дмитрия Хворостовского в Cal Performances в Zellerbach Hall воскресным днём. Вместе с известным Московским камерным оркестром и хором Академии хорового искусства Москвы под руководством американского дирижёра Константина Орбеляна они устроили шоу вокальной, хоровой и оркестровой музыки, которая варьировалась от литургической до народной, кабаре и даже рока. Но именно Хворостовский с его ладной, лёгкой фигурой в чёрной одежде, и совершенным владением прекрасным, выразительным баритоном, был яркой звездой этого шоу. По его собственному признанию, Хворостовский атеист. Однако во время исполнения религиозных песнопений в сопровождении только юношеского хора его голос приобрёл задор и теплоту, которые, несомненно, опровергают его неверие. Но, конечно, у него русская душа: пылкость и самоотдача переполняли его неизменное, прекрасно удерживаемое легато. "Придите ко Мне все труждающиеся", евангельские стихи от Матфея и Иоанна, были мощными и трогательными. Хор во вступительной "Херувимской песне" был прекрасно сдержан в мягком пении и несколько по-славянски резок в более громком. Это была привлекательная группа: женщины в винно-тёмных бархатных платьях, выстроившиеся в одну дугу по всей сцене, мужчины в чёрном за ними. После глубоко прочувствованной теплоты и искренности литургических песен в драматических ариях из "Царской невесты" Римского-Корсакова и "Евгения Онегина" и "Пиковой дамы" Чайковского в сопровождении оркестра интонации Хворостовского стали более пронзительными.

Многоликий человек

В них певец показал, например, персонажа Грязного, который привык брать девушку силой, если хотел её, но теперь не может выбросить из головы видение о красивой молодой девушке, которая отвергла его предложение выйти за него замуж. "Другим я стал",- Хворостовский показывает как мужественного, жёсткого, бессердечного человека, которым он был раньше, так и несчастную душу, которая теперь оплакивает потерю своего прежнего дикого, волевого "я". Исполнение арии Онегина "Вы мне писали", отвергающей предложение любви Татьяны, было самодовольно нежным, а страстная любовная ария князя Елецкого из "Пиковой дамы" вызвала возгласы одобрения у публики, треть которой, должно быть, составляли русские. Вторая половина концерта была посвящена народным песням и тому, что, на мой неискушённый слух, должно быть, является русским эквивалентом лёгкого рока. Достаточно сказать, что русские кабаре или рок-песни, темой которых неизменно был страстный, страдающий, тоскующий влюблённый русский, сопровождалась напольным микрофоном для певца и ритм-секцией: единственным контрабасистом оркестра, отбивающим такт, и, где-то в глубине сцены, барабаном и тарелками. Среди романсов, которые все были в минорных тональностях, «Только раз бывает в жизни встреча», выделялась для меня усиленно открытыми гласными, наполненными энергией и страстью. Написанные в поп-стиле "Как молоды мы были" и "Нежность" были прекрасными песнями, а заключительная "Благодарю тебя" пронзила душу почти невыносимо. Как народные песни, так и песни в стиле кабаре украшали четыре дополнительных инструмента - две мандолины, балалайка и аккордеон, - занимавшие центральное место на сцене перед оркестром. Всё более юные зрительницы, начиная со взрослой и заканчивая совсем маленькой девочкой, время от времени преподносили певцу букеты цветов - очаровательный штрих. На последнем букете Хворостовский наклонился и пожал ручку малышке, сверкнув своей ослепительной улыбкой. Публика ворковала от умиления. На бис были исполнены хорошо известные и любимые "Подмосковные вечера" и "Очи чёрные". Где-то мои русские предки, должно быть, танцевали в почти болезненно-экстатических жестах чистого удовольствия.

Стефани Фридман, меццо-сопрано на пенсии после более чем трех десятилетий пения в опере и концертах в США и за рубежом.

Перевод с английского Н.Тимофеева